



Десятые годы двадцатого столетия: первые шаги русскоязычной тюркологии в Туркменистане



Akad. (Ord.) Prof. Dr. Muratgeldi Söyegov¹
Мурадгелди СОЕГОВ²

Резюме: С целью освещения начального периода истории русскоязычной тюркологии в Туркменистане в статье предпринята попытка раскрыть заслуги Ивана Александровича Беляева в развитии туркменской и каракалпакской филологии, в частности, языкознания и фольклористики в первые десятилетия прошлого века. Наряду с анализом основных работ ученого рассматриваются также вопросы, связанные с восстановлением его биографии, важные стороны которой остаются не изученными до настоящего времени.

Ключевые слова: выпускник университета, служащий администрации, словарь, грамматика, сказание, предание.

1910'LU YILLAR: TÜRKMENİSTAN'DA RUSÇA OLARAK TÜRKOLOJİNİN İLK ADIMLARI

Türkmenistan'da Rusça olarak meydana gelmiş olan Türkolojinin ilk döneminin özelliklerini açıklamak amacıyla bu makalede Ivan Aleksandroviç Belyayev'in, 20. yüzyılın başında yaptığı Türkmen ve Karakalpak halklarının dili ve folkloru alanına ait önemli konuların incelenmesinden oluşan çalışmaları üzerine detaylı bir şekilde söz ediliyor. Aynı zamanda yazarın yaşamı ve kimliği üzerine yeni bilgiler ortaya koyuluyor.

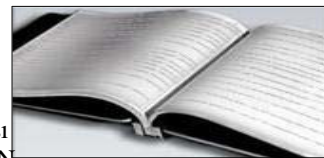
Summary: In order to light the initial period of history of Russian-speaking Turkic Turkmenistan in paper attempts to reveal the merits of Ivan Alexandrovich Belyayev in the development of the Turkmen and Karakalpak philology, in particular, linguistics and folklore, in the early decades of last century. Along with the analysis of major works of the scholar also it is considered the issues, related to the restoration of his biography, important aspects which are not studied to date.

Key Words: university graduate, employee of administration, vocabulary, grammar, story, legend.

Кто же они такие все в штатском?

¹ Akad. (Ord.) Prof. Dr. Muratgeldi Söyegov, Türkmenistan İlimler Akademisi'ne bağlı Millî Elyazmalar Enstitüsü'nün Baş Araştırma Görevlisi (Aşgabat – Türkmenistan) msoyegov@gmail.com

² Действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, профессор, доктор филологических наук. Работает главным научным сотрудником в Национальном институте рукописей АН Туркменистана. E-mail: msoyegov@gmail.com



Многие фигуранты групповой фотографии, состоящей из восьми человек, которая была снята неизвестным фотографом, скорее всего, в Ташкенте (или в Ашхабаде?) еще до 1906 года и размещена в соответствующем сайте Википедии – свободной энциклопедии в Интернете, являются знаменитыми людьми России, служившими в Туркестанском генерал-губернаторстве (крае), в том числе Закаспийской области. Имеется немало сведений о них в существующей литературе, а также содержится информация справочного характера в той же Википедии. Отдельные из них оставили заметный след в истории науки Туркменистана в начале XX века.

Нетрудно заметить, что каждый из них (особенно сидящие) при фотографировании выбрал достойную для себя позу, которая соответствует своей натуре и положению в обществе, за исключением последнего стоящего, недавнего выпускника факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Именно о нем и его работах собственно и попытались мы рассказать в настоящей статье наиболее подробно. Но сначала несколько слов о других фигурантах коллективной фотографии:



Сидят (слева направо):

1. **Андрей Дмитриевич Калмыков** (1870–1931), востоковед, собиратель восточных рукописей. Председатель отделения Общества востоковедов (Ашхабад, 1901). В 1921 консул в Смирне. С 1921 жил в Германии (Потсдам); с 1923 в Нью-Йорке. Продолжал занятия востоковедением, с 1924 член Американского восточного общества; 2. **Николай Петрович Остроумов** (1846–1930), известный учёный-ориенталист, историк и этнограф. Наряду с акад. В.В. Бартольдод один из основателей и руководителей Туркестанского кружка любителей археологии. Тесть Н. Г. Маллицкого. В 1907 году издал сборник стихотворений великого туркменского поэта-классика Махтумкули (но его тираж, почему-то – всего 50 экз.) и извлечения из «Дивана» узбекского поэта Муками, в 1910 вышла его работа «Этимология сартовского языка»; 3. **Деан Иванович Субботич** (1852–1920), генерал-лейтенант, в 1900 – 1902 годах командовал 2-м



Туркестанским армейским корпусом и был начальником Закаспийской области. В 1902 – 1903 годах был командующим войсками Приамурского военного округа и приамурским генерал-губернатором. С 28 ноября 1905 командовал войсками Туркестанского военного округа и являлся Туркестанским генерал-губернатором; 4. **Ефимов (Сахаров?)**. Можно предположить, что в фотографии присутствует **А. Ефимов (?-?)**, преподаватель Ташкентской офицерской школы восточных языков, капитан Закаспийского саперного батальона, который является автором нескольких учебников-самоучителей по восточным (туркм., узб. и др.) языкам, в том числе «Спутника русского врача по Средней Азии», состоящего из русских фраз и их переводов на персидский, узбекский и туркменский языки, написанных русскими буквами [См.: Библиографический..., 1974, с. 161]; 5. **Николай Гурьевич Маллицкий (1873–1947)**, зять Н.П.Остроумова, известный учёный-географ, профессор Среднеазиатского государственного университета, до революции 1917 года – ташкентский градоначальник.

Стоят (слева направо):

1. **Александр Александрович Семенов (1873–1958)**, виднейший востоковед, доктор исторических наук, профессор, один из основателей Среднеазиатского государственного (Ташкентского) университета, академик Академии наук Таджикской ССР (1951), член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР (1943), директор Института истории, археологии, этнографии АН Таджикской ССР (с 1954 года); 2. **Иван Дионисьевич Ягелло (1865–1942)**, полковник, военный востоковед: индолог, иранист, арабист. В 1897–1911 гг. издавал более 80 работ по Индии. Составил «Персидско-русский словарь» (1908) и «Полный персидско-арабский словарь» (1910), служивший долгое время ценным пособием широкому кругу читателей; 3. И, наконец, последний из трёх стоящих – **Иван Александрович Беляев**, который, по словам акад. А.Н. Самойловича, умер в 1920 году (документально не подтверждено), а дата его рождения, к сожалению, исследователями еще не установлена вообще [См.: Библиографический..., 1974, с. 122]. Сведений о нем в Интернете отсутствует.

О деятельности И.А. Беляева

Обучавшийся в 1901–1905 гг. на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета студент И.А. Беляев Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях, еще в 1903 году по рекомендации своего научного руководителя проф. П.М. Мелиоранского был командирован в Туркестанский край для изучения каракалпакского языка.



Как отмечает современный каракалпакский ученый акад. М.К. Нурмухамедов (1930–1986), «он (И.А. Беляев – М.С.) прожил среди каракалпаков два месяца и с помощью народных певцов и грамотных людей из каракалпаков собрал рукописи эпических поэм «Едигей», «Коблан», «Родословная каракалпаков», несколько произведений Махтумкули, бытующих среди каракалпаков,



сделал много записей-заметок о языке, по истории и народному творчеству местного населения» [Нурмухамедов, 1874, с. 52]. Таким образом, И.А. Беляев вернулся в Санкт-Петербург с богатым материалом для дальнейшего исследования, и не только по каракалпакам.

В те годы в российской столице, в частности в ее университете и Петербургской Академии наук были сосредоточены большие научные силы, лучшие умы страны. Председателем указанного выше Русского Комитета был виднейший тюрколог, акад. АН, проф. В.В. Радлов (1837–1918), товарищем председателя (то есть заместителем председателя) – иранист, чл.-корр. АН, проф. В.А. Жуковский (1858 – 1918), а секретарем – историк-тюрколог, проф. (в дальнейшем академик) В.В. Бартольд (1869–1930). Наряду с другими маститыми учеными членом Комитета состоял также 36-летний профессор П.М. Мелиоранский, который выступил сообщением на его заседании, состоявшем 22 марта 1904 года. Он ознакомил присутствующих с результатами работы своего студента И.А. Беляева, командированного комитетом в 1903 году для исследования наречия каракалпаков и после исполнения поручений Комитета добровольно прожившего до половины февраля 1904 года в Семиречинской области, где им было собрано значительное количество материалов для изучения устной и письменной словесности кара-киргизов (то есть казахов). В результате обсуждения этого вопроса по предложению бюро Комитета постановлено ассигновать в распоряжение студента Ивана Беляева 150 рублей для обработки собранных им материалов [Протоколы..., 1904, с. 2–3]. Но обработанные И.А. Беляевым материалы были изданы лишь спустя 12–13 лет уже в Ашхабаде (по орфографии того времени – Асхабаде).

Первые опубликованные научные труды И.А. Беляева появляются еще в студенческие годы. Во втором выпуске «Записок Русского географического общества» за 1903 год (том 28) он в соавторстве с Н. Бравиным публикует указатель племенных имен (стр. 3–32) к статье Н.И. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности», который был издан под редакцией проф. П.М. Мелиоранского. В газете «Туркестанские ведомости» за номером 73 от 1 июля 1904 года, издающейся в Ташкенте, И.А. Беляев выступил с небольшой статьей под названием «Интересная рукопись», в которой, в частности, говорилось:

«В Закаспийской области, недалеко от местности Кара-Кала среди туркмен сохраняется большой рукописный том известного туркменского поэта XVIII столетия Махтумкули, написанный рукою самого поэта. В этом интересном литературном памятнике попадаются превосходные образцы безискусственной народной туркменской поэзии.

Сочинения Махтумкули весьма любимы и распространены не только среди туркмен Закаспийской области, но также и по берегам Аральского



моря, среди каракалпаков. Некоторые отрывки из произведений этого поэта, собранные известными учеными А. Вамбери, Н. Самойловичем и другими исследователями туркменской литературы, указывают на большой и разносторонней талант Махтумкули...

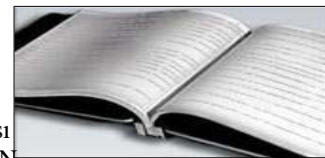
Было бы весьма желательно, если бы кто-либо из местных любителей восточной литературы и истории обратил внимание на означенную рукопись Махтумкули. По рассказам туркмен, этот автограф ежегодно во время съезда народных судей привозится для описывания в город Асхабад» [См.: Махтумкули, 1959, с. 12].

Сведения, содержащиеся в данной статье И.А. Беляева, со времен появления их на газетной полосе вот уже более 104 года находятся в центре внимания махтумкуливедов, ибо рукопись, выполненная собственноручно великим туркменским поэтом, до настоящего времени не обнаружена и не выявлена среди приобретенных ранее рукописей его произведений.

По свидетельству акад. Х. Хамидова, в библиотеке Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН (фонд 198, опись 1, дело № 3) среди других рукописей хранятся шесть больших стихотворений Махтумкули, которые были записаны И.А. Беляевым в 1903 году из уст каракалпакских сказителей [Хамидов, 2008, с. 393].

Из библиографий, составленных ранее по Туркестану и обнародованных по Интернету недавно, явствует, что в сборнике «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 11-й (1/1 1906 – 1/1 1907)» выходит его статья «Материалы для изучения среднеазиатской палеографии по юридическим актам XVII–XVIII ст.» (стр. 45 – 48), которая содержит тарханную грамоту Абуд-Мансур Абдулла-Богадур-Султана (XVII в.).

Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока, обоснований в 1901 году в Ашхабаде – тогдашнем административном центре Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства России и активно работавший два-три года, после десятилетнего перерыва в 1914 году возобновил свою работу и в 1915–1917 годах издал четыре выпуска протоколов своих заседаний и сообщений, заслушанных на этих заседаниях [См.: Артемов, 1990, с. 53–59]. Одним их деятельных членов Кружка во втором этапа его активной работы был И.А. Беляев – инспектор народных училищ Закаспийской области с 1905 года (так указывается в литературе, а в действительности он занимал эту должность несколько позже) и редактор «Закаспийской туземной газеты», первого периодического издания на туркменском языке, которое выпускалось в 1914–1917 годах в Ашхабаде на арабском алфавите. Он умело использовал страницы изданий Кружка для опубликования упомянутых выше каракалпакских материалов, собранных им еще в студенческие годы.



Как явствует из цитированной выше работы М.К. Нурмухамедова, на страницах третьего выпуска «Протоколов заседаний и сообщений членов Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока» за 1917 год И.А. Беляев в своем переводе публикует «Из преданий о Чингисхане», каракалпакскую поэму «Сказание об Едигее и Тохтамыше» и «Краткие сведения о каракалпаках», а четвертый выпуск «Протоколов...» за тот же год постановлением заседания Кружка (протокол № 1, 1917 г.) специально был посвящен каракалпакским текстам. Он называется: «Материалы для изучения каракалпакского наречия. Туземный текст: «Сказание об Едигее Тохтамыше», и «Родословная каракалпаков», поэма «Коблан». Собрал и напечатал И. Беляев». О содержании четвертого выпуска «Протоколов...» сообщалось заранее в их третьем выпуске, который, кстати, тоже почти целиком был посвящен каракалпакским материалам И.А. Беляева, переведенным им же на русский язык. Ему по праву принадлежит слава первооткрывателя каракалпакского эпоса для науки, что очень справедливо отмечается в работах акад. В.М. Жирмунского, акад. М.К. Нурмухамедова и других ученых [См.: Нурмухамедов, 1974, с. 52 – 53].

И.А. Беляев наряду с изданием каракалпакских текстов, часто выступал на заседаниях Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока по местной, то есть туркменской тематике. Так, на заседании, которое состоялось 23 сентября 1915 года, заслушано его сообщение «Из истории туркмен Закаспийской области», посвященное рассказам Ходжалы-муллы о Кеймир-кёре (о туркменском оригинале этих рассказов и их русском переводе см. [Протоколы..., 1916]).

Десятилетний период деятельности инспектора народных училищ Закаспийской области И.А. Беляева в Ашхабаде, конечно, прежде всего, характеризуется его безупречным выполнением своих прямых служебных обязанностей, которые включили в себе не только инспектирование открываемых русской администрацией новых учебных заведений, но и ознакомление с работой существующих с давних времен туркменских мектебов и медресе и оказание им необходимой помощи. Эта сторона деятельности И.А. Беляева нашла свое должное освещение в совместной книге видных ученых-педагогов акад. А.А. Курбанова и доц. О.Д. Кузьмина по истории народного образования Туркменистана [Курбанов, Кузьмин, 1972, с. 16–38].

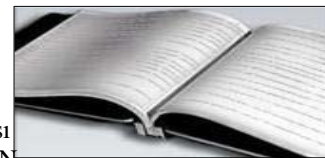
Одновременно с большой инспекторской и редакторской работой И.А. Беляев в течение нескольких лет упорно занимался изучением туркменского языка, результатом которого явилось издание в Ашхабаде его «Русско-туркменского словаря» и «Грамматики туркменского языка» соответственно в 1913 и 1915 годах.



Словарь И.А. Беляева, изданный в объеме 176 страниц, является первым самостоятельным печатным лексикографическим трудом по туркменскому языку переводного характера. Примечательно то, что в нем все туркменские лексические единицы даны в традиционной арабской графике с обязательным указанием их транскрипции на кириллице [Беляев, 1913]. В предисловии к Словарю, приводя примеры типа *баш* ‘голова’ и *ба:ш* ‘язва’, *долы* ‘ливень’ и *до:лы* ‘полный’, *даш* ‘далекий’ и *да:ш* ‘камень’ автор указывает на смысловозначительную особенность кратких и долгих гласных туркменского языка. Если раньше, например, в учебниках П.П. Шимкевича [Шимкевич, 1899] и М.С. Агабекова [Агабеков, 1904] приводились словари, отражающие туркменскую лексику, использованную лишь в упражнениях, статьях, помещенных в учебнике, то словарь И.А. Беляева представлен в лексическом отношении значительно шире. В нем много слов и выражений, относящихся к живой туркменской речи. Особую ценность представляет включение в Словарь многочисленных пословиц и поговорок, записанных самим автором и заимствованных им из произведений туркменского фольклора и письменной литературы. Это позволило убедиться многозначности соответствующего слова, прочно усваивать многие фразеологические единицы. Несмотря на то, что в Словаре нередко встречаются неточные переводы слов, выражений, он в свое время имел большое значение для изучения туркменского языка со стороны русскоязычного читателя.

«Граматики туркменского языка» И.А. Беляева (объем 125 стр.) выполнена в виде учебного пособия и состоит из девяти разделов и приложения [Беляев, 1915]. В основных разделах рассматриваются следующие вопросы: Учение о письме и звуках; Об именах существительных; Имена прилагательные; Местоимения; Имена числительные; О глаголах; О причастиях и деепричастиях; Спряжение глаголов; О глаголах (продолжение); Послелог. Приложение работы посвящено «Словопроизводству в туркменском языке».

Первый раздел учебника, названный «Учение о письме и звуках», служит для русскоязычного читателя как бы своеобразным «Букварем» туркменского языка. Но в последующих разделах данного учебника, как и ожидалось, даны лишь элементарные понятия о каждой части речи. Например, в разделе «Об именах существительных», в частности, читаем: «Туркменский язык не имеет ни числа, ни грамматического различия рода... Для различия естественного рода служат или отдельные слова (например: *айгыр* – жеребец, *байтал* – кобылица, *окуз* – бык, *сыгыр* – корова) или род обозначается прибавлением некоторых слов, например: *эркэк* – самец, *уркачи* (*ургачи*) – самка; *эркэк пишик* (*пишик*) – кот, *уркачи пишик* – кошка... Существительные имеют два числа: единственное и множественное. Множественное образуется от единственного путем прибавления к нему



частицы *лар*, которая после мягких слогов произносится как *лэр*: *ок* – стрела, *оклар* – стрелы; *cöz* – слово, *cözler* – слова...» [Беляев, 1915, с. 14–16]. Подобные примеры можно приводить также из других глав книги.

Несмотря на имеющиеся недостатки, данный учебник И.А. Беляева по грамматике сыграл немалую роль в изучении туркменского языка, являясь одним из основных пособий для русско-туркменских школ, а также для тех, кто изучал язык местного населения самостоятельно. Им пользовались вплоть до второй половины двадцатых годов XX века, ибо тогда появляются новые учебники туркменского языка, выполненные на русском языке.

Из существующей литературы известно, что кроме «Русско-туркменского словаря» и «Грамматики туркменского языка», И.А. Беляев является автором еще одной самостоятельной книги, а именно изданного в 1906 году в Ташкенте «Руководства сартовского языка», составленного им в то время, когда работал еще преподавателем сартовского (узбекского) и персидского языков при Туркестанской учительской семинарии.

Будучи редактором «Закаспийской туземной газеты» в 1914–1917 годах И.А. Беляев оказывал поддержку талантливому туркменскому писателю-публицисту Мухамметкули Атабай оглы (1885–1916) – выпускника Туркестанской учительской семинарии 1908 года и добывался своевременного появления на страницах газеты его многочисленных и остросюжетных статей на злободневные темы. И.А. Беляев также выступал редактором первого новометодного туркменского «Букваря», составленного А.С. Алиевым (1883–1933) и изданного в 1913 году в Баку, а затем в 1914 году – в Ашхабаде [См.: Соегов, 1995, с. 92–95].

Служба И.А. Беляева в Закаспийской области продолжалась до начала апреля 1917 года. Газета «Асхабад» от 21 апреля 1917 года сообщила своим читателям, что инспектор народных училищ И.А. Беляев постановлением областного съезда народных учителей 5 апреля отстранен от занимаемой должности [Асхабад, 1917]. «И.А. Беляев, который был освобожден от своей должности, говорят, уехал в Тифлис» – таково сообщение «Закаспийской туземной газеты» от 10 мая 1917 года о своем, но уже бывшем редакторе [Закаспийская..., 1917].

Сказание об Едигее и Тохтамыше

По утверждению акад. А.Н. Самойловича, который ссылается на соответствующую работу И.А. Беляева, текст «Сказания об Едигее и Тохтамыше» был записан «по заказу студента И.А. Беляева в 1903 г. в селении Чимбай среди каракалпаков одним местным грамотеем со слов неграмотного каракалпака...» [Самойлович, 1973, с. 193]. Сам И.А. Беляев в своей работе эти данные передает несколькими словами: «сообщаю, что поэма «Едигей» записана в 1903 году в селении Чимбай Аму-



Дарьинского отдела со слов Чимбайского уроженца, 45-и летнего каракалпака из рода шеруце, Бек-Мухаммеда, человека неграмотного и помусульмански совершенно необразованного, но искренно любящего свою родную поэзию» [Протоколы..., 1917 (1), Предисловие, с. V].

Студенты профессора П.М. Мелиоранского по факультету восточных языков Санкт-Петербургского университета А.Н. Самойлович и И.А. Беляев специализировались по тюркским языкам и литературам народов Средней Азии, а именно первый из них по туркменскому языку, а второй – по каракалпакскому. Александр Николаевич Самойлович (1880–1938), один из первых русских ученых-туркменоведов (в последующем академик АН СССР), посетил Закаспийскую область еще в студенческие годы и защитил в 1903 году дипломную работу по текинскому диалекту туркменского языка на золотую медаль [См.: Биобиблиографический..., 1974, с. 254–256].

Не трудно предположить, что выпускник Санкт-Петербургского университета 1905 года И.А. Беляев свою дипломную работу посвятил именно каракалпакскому языку и фольклору. Хотя его в последующем интересовали вопросы лексики и грамматики туркменского языка, тем не менее, никогда не переставал заниматься избранной еще в студенческие годы тематикой, свидетельством чего является издание каракалпакских текстов в 1917 году в Ашхабаде – тогдашнем административном центре Закаспийской области Туркестанского края.

В этой связи следует отметить, что А.Н. Самойлович крайне отрицательно отзывался об отдельных туркменоведческих [Самойлович, 1913], а также каракалпаковедческих работах И.А. Беляева. Например, он, имея в виду «Сказанию об Едигее и Тохтамыше», утверждал: «Перевод на русский язык, исполненный И.А. Беляевым, недоброкачественен» [Самойлович, 1973 с. 194]. Трудно согласиться с подобной оценкой. Хотя бы потому, что данный перевод был отредактирован самим профессором П.М. Мелиоранским – учителем И.А. Беляева и того же А.Н. Самойловича. По этому поводу в «Предисловии» к русскому переводу «Сказания об Едигее и Тохтамыше» И.А. Беляев писал: «Проф. П.М. Мелиоранский два раза просматривал мой перевод, многое исправлял и дополнял, а некоторые места текста оставил без разъяснений, замечая, что рукопись необходимо еще раз проверить на месте, т.е. среди каракалпаков. По счастливой случайности, в 1913 г. в г. Ашхабаде мне удалось познакомиться с одним Чимбайским каракалпаком, проживающим здесь на заработках. Благодаря его некоторым разъяснениям, без особого труда удалось выяснить многие «темные» места каракалпакской рукописи «Едигей» и понять те ее строки, которые П.М. Мелиоранским были собственноручно подчеркнуты (синим карандашом), как недостаточно выясненные. Таким образом, представилась возможность и



приступить к печатанию «Едигея»» [Протоколы., 1917 (1), Предисловие, с. III].

«Сказание об Едигее и Тохтамыше» в переводе И.А. Беляева на русский язык было опубликовано в 3-м выпуске сборника «Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» за 1917 год согласно постановлению заседания его членов от 12 января того же года, проходившего под председательством и.д. начальника области генерал-майора Н.К. Калмакова.

«Предисловие» к русскому переводу «Сказания об Едигее и Тохтамыше», написанное И.А. Беляевым в 1916 году, начинается следующими словами: «В 1903 году (в тексте ошибочно: В 1913 году) я, как ученик профессора П.М. Мелиоранского, имел честь быть командированным Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии в Аму-Дарьинский отдел Сыр-Дарьинской области для изучения наречия проживающих там (в Нукусе, Чимбае и Кунграте) тюркских кочевников – каракалпаков».

Далее он пишет, что, как и у других кочевников Туркестана, среди каракалпакского населения оказалось значительное число народных певцов-сказателей (по местному «джирау»), распеваящих при всяких торжественных случаях, например, при свадьбах, играх и т.п. под музыкальный инструмент «домбра» свои песни, былины и другие различные сказания («джир»), дающие богатый материал для изучения языка, поэзии и этнографии каракалпаков и местной жизни вообще.

«Эти певцы, – продолжает И.А. Беляев, – отнеслись ко мне очень любезно и внимательно: целые ночи они проводили в моей кибитке и без конца рассказывали и пели про прошлое своего народа». Ссылаясь на соответствующую литературу, он приводит справедливое и меткое сообщение казахского этнографа Чокана Валиханова (1835–1865), что «каракалпаки почитаются в степях первыми поэтами и песельниками». Прожив в сообществе с такими певцами около двух месяцев, И.А. Беляев действительно имел полную возможность, при посредстве грамотных каракалпаков, собрать в рукописном виде значительную часть того, что пелось и рассказывалось ему каракалпакскими «джирау». Затем он сообщает: какие рукописи в настоящее время находятся у него в наличии, а далее пишет о туркменском поэте-классике Махтумкули:

«В моем распоряжении имеются три каракалпакские (современные) рукописи, а именно: сказание «Едигей», большая поэма «Коблан» и «Родословная каракалпаков», а также несколько отрывков из сочинений Махтумкули, известного туркменского поэта Закаспийской области (XVIII ст.), который неоднократно бывал у каракалпаков, и поэтическое влияние которого заметным образом отразилось и на поэзии каракалпаков. Память о



Махтумкули окружена у каракалпаков большим вниманием...” [Протоколы..., 1917 (1), Предисловие, с. I].

В подтверждение цитированных выше слов И.А. Беляева будет уместно здесь привести четверостишие каракалпакского поэта Бердаха (1827 – 1900) из его стихотворения «Я искал» [См.: Бердах, 1951, с. 43]:

*Твои стихи, Махтумкули,
Слагать мне песни помогли,
Я все сокровища земли
В поэзии твоей сыскал.*

(Перевод Н. Гребнева)

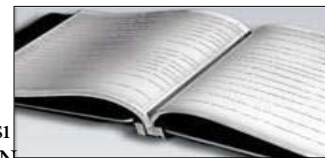
Взаимосвязь и взаимодействие литератур туркменского и каракалпакского народов никогда не были односторонним процессом. Одним из ярких примеров этого может служить туркменский народный дестан «Тулум Ходжа», бытующий среди човдурских туркмен (этрап Болдумсаз Дашогузского ваята) и сформировавшийся в XIX веке под влиянием «Сказания об Едигее и Тохтамыше», в частности, его каракалпакского варианта [Тулум..., 1993].

В поэме «Едигей», как справедливо отмечает И.А. Беляев, очень много красивых поэтических мест, за что эта поэма и дорога каракалпакскому народу. Поэма «Едигей» носит также яркие следы эпического творчества. Главные действующие лица поэмы Едигей и его сын Нураддин являются для народа идеалами героического прошлого. Как эпическая поэма, «Едигей» включает в себе много старинных народных выражений, прибауток, пословиц и поговорок, изложенных в большинстве случаев в стихотворной форме. По оценке И.А. Беляева, поэма «Едигей» чисто-народное повествование, понятное всякому даже и неграмотному человеку [Протоколы..., 1917 (1), Предисловие, с. III].

Как многоплановое произведение, поэма «Едигей» (в русском переводе «Сказание об Едигее и Тохтамыше») удовлетворяла духовные потребности многих слоев каракалпакского народа того времени. И.А. Беляев подробно описывает это обстоятельство, которое не утратило свою ценность и в наши дни:

«Муллы и благочестивые люди-кочевники у Аральского моря и по Аму-Дарье восхваляют эту поэму за то, что она во многих местах подчеркивает значение в жизни веры в мусульманскую религию; поэма учит: всякий герой, с верой призывающий имя Бога, не погибнет в несчастиях мирской юдоли.

Матери – жены каракалпаков – слушая «Едигея», с умилением представляют те страдания матери Нураддина, которые она переживала при



горестной разлуке с своим сыном, которого уже приговорили к смертной казни; гордятся и умиляются этой поэмой она еще и потому, что она посвящена и описанию сердечности женщины и ее глубокой верности семейной жизни.

Каракалпакским юношам очень нравится в поэме те места, где описываются битвы и сражения богатырей, которые в боях “точно водою, кровью врага упиваясь, не дают ему пощады: спасается только тот, кто убегает”.

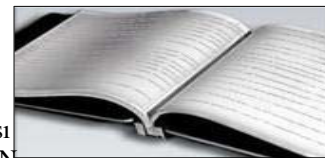
Девушки-каракалпачки с восторгом слушают «Едигея» в той части, где описывается избавление храбрым Едигеем царской красавицы Ак-Билек от пленения ее из рук богатыря-дива Каратеина, которого “даже и стрела не берет”.

Нравится поэма и детям; здесь описываются таинственные превращения отца Едигея в белого с желтой головою лебедя с целью спасения от гибели невинных людей, принужденных под лучами палящего солнца блуждать в песчаных пустынях.

Надо ли говорить, с какою гордостью каракалпакский певец-сказитель поет те места, где воспевается то древнее время, когда Чингиз-хан и др. властители мира охотно слушали песни народных сказителей; выписывали их из далеких стран и, одаря подарками восточной щедрости...» [Протоколы..., 1917 (1), Предисловие, с. III–IV].

После этой большой цитаты, которая содержит в себе блестящую оценку достоинств «Сказания об Едигее и Тохтамыше», нам с огорчением приходится говорить об одном досадном недостатке его русского текста, хотя он и издательско-полиграфического характера. Дело в том, что в 3-ем выпуске сборника «Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» за 1917 год, где самостоятельной нумерацией страниц (с 1 по 39 стр.) опубликован русский перевод «Сказания об Едигее и Тохтамыше», 36-я и 37-я страницы почему-то отсутствуют. По-видимому, эти две страницы отводились четвертой части повествования, краткое содержание которого приводится в «Предисловии» И.А. Беляева: «Четвертая (часть) посвящена описанию договора между Тохтамыш-ханом и Едигеем, который уже становится властелином “пяти частей всего алты-айлыкского ногайского народа”, кочевавшего на берегах двух рек – Волги и Яика (Джаика–Урала)» [Протоколы..., 1917 (1), Предисловие, с. III].

Скорее всего, еще при оттискивании сборника в типографии по халатности какого-то технического работника указанные выше страницы, содержавшие четвертую часть повествования, не вошли в тиражированное издание. Путаница при нумерации страниц допускалась также в начальных частях сборника [Протоколы..., 1917 (1), с. I–IX и с. V–VIII]. Надеемся в



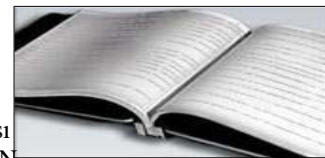
будущем будет устранин этот пробел русского текста на основании каракалпакского оригинала «Сказания об Едигее и Тохтамыше», опубликованного И.А. Беляевым в 4-м выпуске указанного выше сборника за 1917 год [Протоколы..., 1917 (2)], а также по последующим записям (в 1929 и 1934 гг.) и изданию эпоса «Едигей», осуществленных еще в 1939 году видным каракалпакским фольклористом Каллы Аимбетовым, 100-летие со дня рождения которого торжественно отмечалось в 2008 году.

В настоящее время указанные сборники сохранились лишь в фондах редких изданий центральных библиотек нескольких стран СНГ и, являясь большой библиографической редкостью, практически недоступны многим читателям и исследователям, особенно молодым, начинающим. Учитывая неослабевающий научный интерес к произведениям каракалпакского устного народного творчества, мы сочли необходимым заново воспроизвести полный текст «Сказания об Едигее и Тохтамыше» в переводе И.А. Беляева, разделив его условно на три примерно равные части в виде трёх статей с самостоятельными предисловиями, которые были опубликованы на страницах соответствующих номеров «Вестника Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан» за 2009 год [Соегов, 2009].

Каракалпакское предание о Чингисхане

Каракалпакское предание о Чингис-хане (Тэмуджин, Темучин, 1155 – 1227), основателе и великом хане огромной Монгольской империи (с 1206 г.), которая присоединила в себе многие страны Азии и Восточной Европы, было записано в 1903 году в Нукусе со слов неграмотного кочевника-каракалпака тогдашним студентом И.А. Беляевым во время этнолого-лингвистической практики. Он, назвав его в своем русском переводе «Из преданий о Чингиз-хане» (затем в предисловии еще и сказкой «Чингиз-хан»), спустя 14 лет, будучи инспектором народных училищ Закаспийской области, опубликовал в упомянутом третьем выпуске «Протоколов заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», изданном в Ашхабаде в 1917 году. Текст предания, который разделен на две части, переводчик снабдил кратким предисловием и некоторыми пояснительными записями.

В конце текста перевода И.А. Беляев, пользуясь знаком (*), делает примечание, где пишет, что «у каракалпаков роды *кыят* и *канлы* пользуются особым авторитетом, так как, по преданиям, эти роды, в лице своих родоначальников, восходят к временам Чингиза». Далее он, ссылаясь на соответствующую литературу, отмечает, что род *канлы* в составе некоторых других тюркских народов имеет правописание в виде *канглы* [Протоколы..., 1917 (1), с. 12].



Последний языковой факт, скорее всего, связан с главными историческими событиями, происходившими в прошлом в Хивинском ханстве, на территории которого издревле проживал каракалпакский народ.

Хивинское ханство, появившееся в землях древнего Хорезма и просуществовавшее в период между 1511–1920 годами, управлялось правителями сначала династии Арабшахидов, а затем династии Конгратов. Ханство было основано кочевыми племенами, которые захватили в 1511, под руководством султанов Ильбарса и Бальбарса, потомков Ядигар Хана. Они принадлежали к ветви Чингизидов происходящей от Арабшах ибн Пилада, сына Шибана, который в свою очередь был пятым сыном Джучи. Он же родился в 1182 году от первой, самой уважаемой и влиятельной жены Чингисхана – Борте.

Династия Арабшахидов вымерла к концу XVIII века, к этому времени очень выросла власть племенных вождей и они стали приглашать Чингизидов из казахских степей на ханский трон. Два главных племен, конграт и мангыт, вели борьбу за власть в ханстве и их борьба сопровождалась отделением северной части Хорезма, Арала (дельта Аму Дарьи). Племена Арала, в большинстве кочевники, как было это при Арабшахидов, провозгласили ханами своих Чингизидов. Так возникла в Хиве династия Конгратов [См.: Хивинское..., 2010].

Этими историческими обстоятельствами можно объяснить во многом трансформации в каракалпакском предании названия рода *канглы* в *канлы* (ханлы), то есть попытка к установке связи его происхождения непосредственно с Чингис-ханом – далеким, но грозным предком всех правителей Хивинского ханства, где наряду с узбеками, казахами и туркменами основным населением были и каракалпаки. Следует сюда же добавить, что каракалпакское предание начинается с рассказа о царе Алтан-хане, именем которого названы некоторые прославленные герои монгольского фольклора [Михайлов, 1960, с. 210–227].

Исходя из указанного выше замечания И.А. Беляева о роде канглы, теперь хотелось бы обратиться к сведениям «Родословного древа туркмен» – сочинения Хивинского хана и историка Абу-л-Гази Бахадур-хана (1603 – 1663), который в разделе «Об именах сыновей и внуков Огуз-хана» наряду с кыпчак, карлык и калач первым перечисляет канклы (канглы) среди илей, названных Огуз-ханом – древним родоначальником туркмен, и тут же добавляет, что они не происходят из его, Огуз-хана, рода (несил), но присутствовали в знаменитом тое Огуз-хана [См.: Кононов, 1958, с. 51].

Еще до этого, в разделе «О царствовании Огуз-хана» своего сочинения Абу-л-Гази Бахадур-хан описывает следующие события: «Татарский народ в те времена обитал вблизи Джурджута. Джурджут – большая страна (йурт); в ней много городов и селений; находится она к



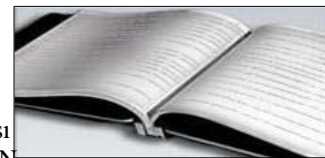
северу от Хатая. Индийцы и таджики ее называют Чин-Мачин. Огуз-хан пошел и напал на татар. Татарский хан с многочисленным войском выступил против него; они сразились. Огуз-хан внезапно напал и разбил его, татарского хана, войско. В руки Огуз-ханова войска попало много добычи; для ее погрузки не хватило вьючного скота. Был там один хороший искусный человек; поразмыслив, он построил арбу и, погрузил на них добычу, возвратились домой. Арбу называли *канк*. До этого не было ни ее самой т. е. арбы, ни ее названия; ее называли *канк* потому, что во время движения она производит звук *канк*. Человека, построившего ее, прозвали *Канклы*. Весь иль *Канклы* – потомки того человека. Огуз-хан в продолжении семидесяти двух лет воевал с монголами и татарами, хотя они одной с ним кости. На семьдесят третьем году он подчинил их всех себе...» [Кононов, 1958, с. 42–43].

Небезинтересно будет здесь узнать, что сочинение Хивинского хана Абу-л-Гази Бахадур-хана «Родословное древо туркмен» было переведено А.Г. Туманским (1861–1920) на русский язык и впервые издано в Ашхабаде в 1897 году [См.: Библиографический..., 1974, с. 273–274], то есть ровно 20 лет раньше до появления в печати каракалпакского предания о Чингис-хане, кстати, тоже в Ашхабаде. Следует также констатировать, что данное сочинение Абу-л-Гази Бахадур-хана является своеобразным сводным текстом разных списков и устных вариантов «Огузнаме» – сборника исторических легенд и преданий о туркменских династиях и племенах, начиная с их родоначальника Огуз-хана.

Возвращаясь непосредственно к изучаемой теме, отметим, что приведенный выше рассказ из «Родословного древа туркмен» имеет общность с каракалпакским преданием о Чингис-хане: и здесь, и там описывается случай, как для правителя мастерили арбу. По этому случаю, самого мастера, а в последующем его потомков звали *канклы* (канклы) или *канлы* (ханлы). В этой связи напрашивается уточнение: когда же именно царствовал Огуз-хан?

Вслед за Н.Я. Бичуриным (1777–1853), который перевел и издал на русском языке древние китайские летописи [Бичурин, 1950], многие современные ученые склонны считать Огуз-хана одним и тем же лицом с Мао-дуном (Модэ, Метэ), упомянутом неоднократно в этих документах в качестве правителя хуннов – грозных соседей китайцев [Соегов, 2009, с. 241–247]. Из китайских источников явствует, что Мао-дун (то есть Огуз-хан) сел на престол в 209 году и, царствуя 35 лет, умер в 174 году до н.э. [Söyegov, 2008, с. 52–53].

Таким образом, временная разница между эпохами Огуз-хана и Чингис-хана составляет не менее 1300 лет. Примерно в ту эпоху, когда жил и правил Мао-дун (то есть Огуз-хан) существовали на нижней и средней



Сырдарье государство Канглы (Кангюй, около II века до н. э. – IV век н. э.) и Кангюйская культура в древнем Хорезме (около IV века до н. э. – I век н. э.) [См.: Канглы, 2010; Кангюйская..., 2010; Ушницкий, 2010].

Из всего изложенного вытекает вывод, что рассказ о *канклы* (канглы) из «Родословного древа туркмен» имеет больше шанса на историческую подоплёку, нежели рассказ о *канлы* (ханлы) из изучаемого нами предания. Скорее всего первый, являясь более древним, переопределил появление второго в период завоевания Чингис-ханом Хорезма или еще позднее время. По-видимому, канглы долгое время имели в Хорезме огромный вес. Неслучайно, великий Махмут аз-Замахшари (1075–1144) в своем труде «Мукаддимет ул-Едеб» («Введение в культуру речи – языкознание»), созданный по поручению хорезмшаха Атсыз ибн Мухаммеда для его дворцовой библиотеки, включил языковые факты не только огузов-туркмен и кипчаков, но пользовался материалами языка канглы, а Шемседдин ибн Кайс ар-Рази создал специальное сочинение под названием «Тюркский словарь на языке канглы» («Тибйан Лугат ат-Тюрки ала лисан ал-Канглы») и преподнес его хорезмшаху Джелаледдину Менгбурны (? –1231) [См.: Международная..., 2004, с. 162; Неджмеддин..., 2008, с. 289–290]. По сообщению того же Абу-л-Гази Бахадур-хана, во времена пребывания туркменского героя Угюрджик-алпа со своим илем в Крыму народ канглы еще проживал в местностях Алакенк и Кара-каш, а хана его звали Кёк-тонлы [Кононов, 1958, с. 72].

Информатор И.А. Беляева, рассказывая ему предание о Чингис-хане, как бы наделил антропным *кыят* некоторым отрицательным смыслом: «Один подал жалобу с какой-то фальшью-хитростью (хыял-кыял-билен). Чингиз-хан сразу сметил в чем дело. Этому человеку он тотчас-же сказал: “А ведь ты хитрый (кыят)”! Вот так и произошло название рода “кыят”...». Хотя рассказчик связывает слово *кыят* с лексемой *хыял-кыял*, но это не препятствует наведению исследователя на мысль: нет ли тут связи с древним *Кият* (фантастическое животное, мифическое чудовище) из текста списка «Огузнаме», выполненного в XV веке на древнеуйгурском алфавите (Национальная библиотека, Париж). Несмотря на все это, И.А. Беляев в своем единственном примечании считал необходимым специально оговорить, что род *кыят* наряду с родом *канлы* пользуется особым авторитетом у каракалпаков, ибо эти два рода, в лице своих родоначальников, восходят к временам Чингис-хана. В настоящее время Интернет изобилует информацией о племени кыят (кыят) любителей истории и этнологии: одни считают кыят монгольским племенем, а другие – тюркским, из которого вышел сам Чингис-хан. Некоторые из них связаны с эйфорией возвышения Чингис-хана как гениального полководца и мудрого правителя, которая наблюдается в последние десятилетия в сознании



отдельных лиц. Но могут заслужить внимание серьезных исследователей лишь те высказывания, которые имеют какое-либо научное обоснование.

Изучение вопросов историчности фольклорных произведений в целом и исторических преданий, в особенности, давно стало важной и перспективной научной проблемой. Внесение в научный обиход новых, ранее не исследованных фактов по данной области поможет решению многих актуальных вопросов, стоящих перед учеными-фольклористами и историками. Если подходить с этих позиций к преданию о Чингис-хане, то, кроме рассмотренных выше фактов, следует обратить внимание еще на его «парные» герои – Алтан-хан и его младший брат, Тамаул и Шабан-кёр (охотники), Бадантай и Биргутай (сыновья Шабан-кёра), Шайки-бий и Майки-бий (приближенные царя), и, наконец, Кыят и Канлы, все они, своей «парностью» находят какую-то аналогию в истории наших народов. Вспомним хотя бы правителей-братьев Бледу и Аттилу (Европейские хунны – гунны), Бильге-кагана и Кель-тегина (Древнетюркский каганат), Чагры бега и Тогрул бега (Великие Сельджукиды), а также арслан-ханов и бугра-ханов (Караханиды), которые олицетворяли, прежде всего, двухкрылость в государственном управлении – основной элемент в жизни государства [См.: Соегов, 2012 (II), с. 281–288]. Его далеким, оглушенным эхом в туркменской классической литературе можно считать героический дестан «Юсуп и Ахмет» Курбанали Магруфи (1734–1808), который назван именами братьев-кузенов.

Что касается сундука, который с главным героем во внутри течет по реке (море), то он является одним из атрибутов фольклора каракалпакского, туркменского и других прибрежных народов, которые в течение многих веков имели дело с большой водой (река Амударья и Аральское море). Наряду с рассмотренным нами преданием данный атрибут присутствует в любовном дестане «Зохре и Тахир» туркменского поэта-классика Молланепеса, 200-летний юбилей которого торжественно, в международном масштабе, отмечался в 2010 году.

Учитывая большую библиографическую редкость цитированных выше «Протоколов...» и идя навстречу пожеланиям молодых исследователей-фольклористов, мы заново воспроизвели полный текст каракалпакского предания о Чингисхане в том же русском переводе И.А. Беляева, правда, с соблюдением правил современной орфографии и учетом соответствующего деления текста на абзацы в сборнике «Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор», который был издан в 2012 году в г. Абакан (Республика Хакассия/РФ) [См.: Соегов, 2012 (I), с. 244–249].



Заклучение

На основе краткого анализа «Русско-туркменского словаря» (1913), «Грамматики туркменского языка» (1915) и некоторых других работ, а также освещая пройденный жизненный путь Ивана Александровича Беляева, мы попытались характеризовать его как одного из первых русских туркменоведов XX века, который вполне заслуживает занимать свое достойное место в истории российской тюркологии с подробным изложением его биобиблиографии, но, увы, не разработанной исследователями до настоящего времени. Исходя из того, что выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета 1905 года А.Н. Самойлович родился 1880 году, а И.А. Беляев окончил тот же факультет в 1903 году, можно предположить, что последний родился в 1882 году. Согласно словам того же А.Н. Самойловича, он умер в 1920 году, т.е. выходит, что И.А. Беляев прожил всего 38 лет. Надеемся, что сведения о нем и его работах, приведенные в нашей статье, послужат в будущем полезным подспорьем для дальнейших разработок по данному направлению на основе анализа материалов о факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, хранящихся в архивах, также архивных дел чиновников администрации Закаспийской области, относящихся к первым десятилетиям прошлого века.

Мы на конкретном материале русских переводов И.А. Беляева коснулись также некоторых аспектов изучения каракалпакских исторических сказаний и преданий, но далеко не исчерпали их. Несмотря на это, рассмотренные нам вопросы позволяют прийти к определенным выводам, основное содержание которых сводится к следующему: Без учета того, что каждое значительное произведение устного народного творчества в своей эволюции прошло сложные периоды окончательного становления, равно как и без историко-сравнительного подхода к изучаемому фольклорному явлению, трудно бывает объективно определить их научный статус. Это, во-первых. И, во-вторых, приведенные в статье материалы убедительно показывают, что чем глубже мы изучим произведения родного фольклора, тем смелее и увереннее будем ставить и решать как общетеоретические, так и конкретные вопросы тюркской фольклористики.

В конце также отметим, что самые первые робкие шаги в истории русскоязычной тюркологии в Туркменистане были сделаны еще в конце XIX и в начале XX вв. в работах П.П. Шимкевича [Шимкевич, 1889], С. Агабекова [Агабеков 1904] и некоторых других авторов [См. еще: Соегов, 2012 (III), с. 77–84], которые, в отличие от И.А. Беляева, занимались исключительно вопросами туркменского языка и фольклора. С защитой в 1903 году студентом (будущим академиком АН СССР) А.Н. Самойловичем своей дипломной работы под названием «Опыт лингвистического



исследования текинского говора туркменского диалекта» [См.: Soyegov, 2013, с. 55–56] начался новый, подлинно научный этап в истории туркменоведения – составной части русской тюркологии, но это происходило уже не в Ашхабаде, а в Санкт-Петербурге (Петроград, Ленинград).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агабеков С. Учебник тюркменского наречия с приложением сборника пословиц и поговорок тюркмен Закаспийской области. Асхабад, 1904.
2. Артемов И.В. Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока в отечественной историографии // *Известия АН Туркм. ССР. Серия гуманитарных наук*. Ашхабад, 1990, № 3.
3. Асхабад, 1917, 21 апреля.
4. Бердах. Избранные произведения. Ташкент, 1951.
5. Беляев И.А. Грамматика туркменского языка. Асхабад, 1915.
6. Беляев И.А. Русско-туркменский словарь. Асхабад, 1913.
7. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, Дооктябрьский период. Под редакцией и с введением А.Н. Кононова. М., 1974.
8. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.– Л., 1950.
9. Жирмунский В.М. П.М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» // *Тюркологический сборник 1972 (Памяти П.М. Мелиоранского посвящается)*. М., 1973.
10. Закаспийская туземная газета, 1917, 10 мая.
11. Канглы (Кангюй, Канцзюй) // Цитируется по сайту в Интернете: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D1%8E%D0%B9> (05.06. 2010).
12. Кангюйская культура // Цитируется по сайту в Интернете: <http://www.c-cafe.ru/words/73/7182.php> (07.06.2010)
13. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М. – Л., 1958.
14. Курбанов А.А., Кузьмин О.Д. Очерки по истории развития педагогической мысли в Туркменистане (1886-1941 г.). Ч. I. Ашхабад, 1972.
15. Махтумкули. Памятка. Ашхабад, 1959.
16. Международная конференция, посвященная Джаруллаху Замахшари. 8 – 9 января 2004 года. Сборник статей. Ашхабад, Культурный центр Посольства ИРИ в Туркменистане, 2004.
17. Михайлов Г.И. К вопросу об эволюции монгольского героического эпоса // *Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика*. М., 1960.



18. Неджмеддин Кубра и духовно-культурный мир Востока. Материалы Международной научной конференции. 4 – 6 сентября 2008 года. Ашхабад, 2008.
19. Нурмухамедов М.К. Из истории русско-каракалпакских культурных связей. Ташкент, 1974.
20. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Выпуск 2-й (1915-1916 гг.). Издан при содействии и.д. начальника Закаспийской области генерал-майора Н.К. Калмакова. Асхабад, Типография И.И. Александрова, 1916.
21. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Выпуск 3-й. Издан при содействии и.д. начальника Закаспийской области генерал-майора Н.К. Калмакова. Асхабад. Типография И.И. Александрова, 1917.
22. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Выпуск 4-й. Издан при содействии и.д. начальника Закаспийской области генерал-майора Н.К. Калмакова. Асхабад, Типография И.И. Александрова, 1917.
23. Протоколы заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях. (СПб.) 1904, № 2.
24. Самойлович А. Н. Вариант сказания об Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым // *Тюркологический сборник 1972. (Памяти П.М. Мелиоранского посвящается)*. М., 1973.
25. Самойлович А.Н. Первый букварь для туркменов (рецензия) // *Асхабад*, 1913, 26 ноября (перепечатана из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 13 ноября 1913 г.).
26. Соегов М. Из истории туркменско-китайских взаимосвязей в древности и раннем средневековье (по данным русских переводов китайских источников) // *Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: История и современность*. Материалы I Международной научной конференции. 11 – 13 ноября 2009 года. Пятигорск, 2009.
27. Соегов М. История одного учебника в предисловиях и рецензиях // *Известия Академии наук Туркменистана*. Ашхабад, 1995, № 6.
28. Соегов М. Каракалпакское предание о Чингисхане, записанное в 1903 году, в свете данных «Родословного древа туркмен» и некоторых других источников // *Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В.М. Наделяева)*. Материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 20 – 23 мая 2012 г.). Абакан, 2012. (I)



29. Соегов М. О двухкрылой системе управления государством хазарскими правителями в Итиле (Астрахань) и ее древних тюрко-огузских корнях // *Гуманитарные исследования*. Астрахань, 2012, № 1 (41). (II)
30. Соегов М. О пособии 1892 года по туркменскому языку и его составителе – и.о. начальника Мангышлакского уезда Закаспийской области (на фоне трудов его младших братьев) // *Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Научный журнал. Выпуск 1. Педагогика и образовательные технологии*. Усть-Каменогорск, 2012. (III)
31. Соегов М. Произведения каракалпакского фольклора, опубликованные в 1917 году в Ашхабаде: Сказание об Едигее и Тохтамыше. Ст. 1-я // *Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан*. Нукус, 2009, № 2; Ст. 2-я – № 3; Ст. 3-я – № 4.
32. Тулум Хожа. Дессан. Чапа тайярлан ве созбашы язан Б. Велиев. Ашгабат, 1993.
33. Ушницкий В. Канглы – предки кангаласцев. Цитируется по сайту в Интернете: <http://www.kyrgyz.ru/?page=49> (10.06.2010)
34. Хамидов Х. О рукописях сочинений Махтумкули, записанных в Каракалпакстане в XIX – начале XX века // *Махтумкули и духовно-культурные ценности мира*. Материалы международной конференции. Ашхабад, 2008.
35. Хивинское ханство. 1511–1920. Династии Арабшахидов и Конгратов // Цитируется по сайту в Интернете: <http://kungrad.com/history/khorezm/dinasty/> (07.06.2010).
36. Шимкевич П. Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области. Изд. 2. Асхабад, 1899.
37. Söyegov M. Çin Yıllıklarına Göre Birkaç Hunca Sözcük ve Kısa Açıklaması // *Tarih Türk Dünyası Kültür Dergisi*, Sayı: 256 Nisan. İstanbul 2008.
38. Söyegov M. Türkmen Diyalekti Teke Ağzı'nın Lengüistik İncelemesinin Tecrübesi // *Tarih Türk Dünyası Kültür Dergisi* Sayı: 315 Mart. İstanbul, 2013.